

ВОЙНА САТИРИКОН

Цѣна отд. № 15 коп.

Ш-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 25

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1915

18 ІЮНЯ.

ВОЕННАЯ КОСТОЧКА.

Рис. Реми.

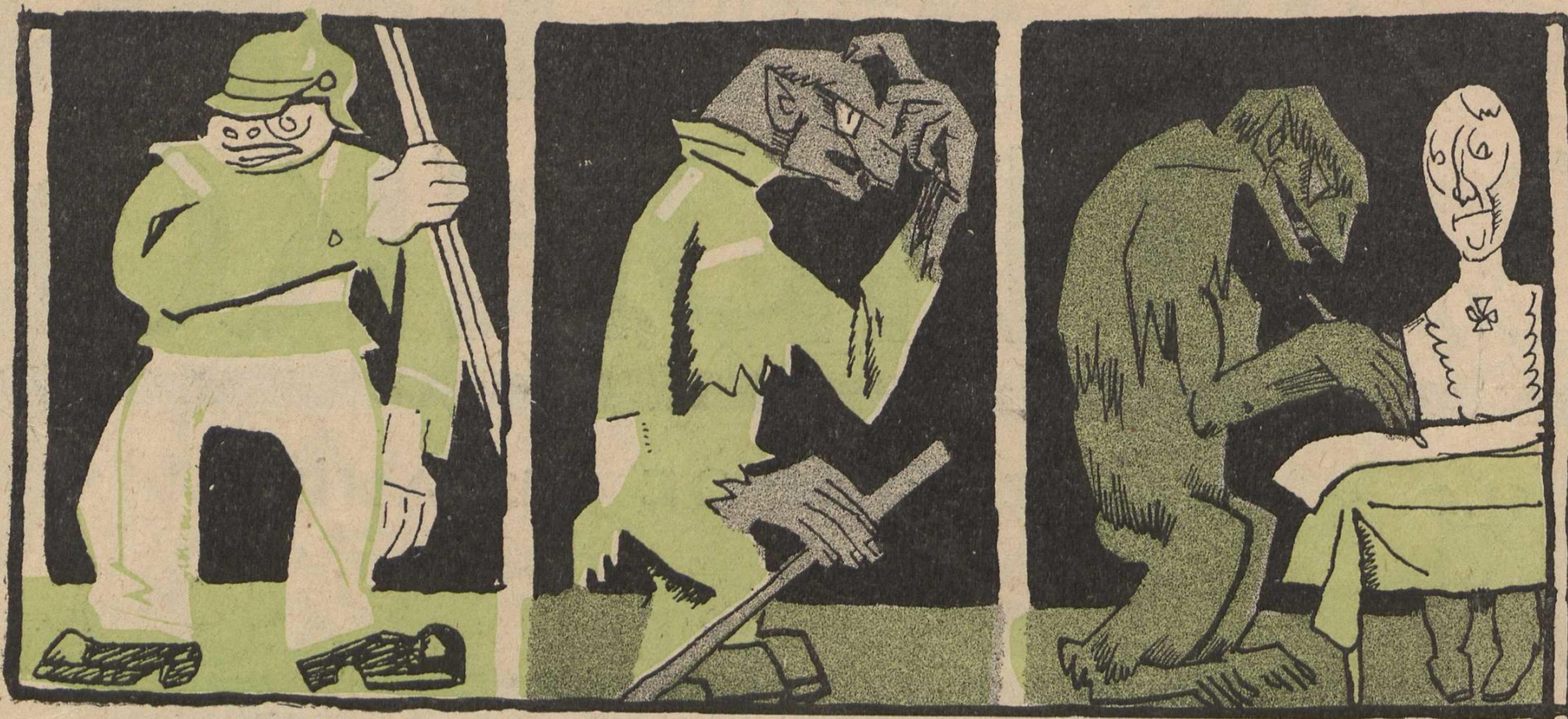
— Какъ же ты пойдешь на войну, если тебя отъ земли не видать?
— Неужели вамъ не известно, полковникъ, что при развѣдкахъ это качество незамѣнно?..

Библиотека
им. Н. А. Некрасова

МЕТАМОРФОЗА НЪМЦА.

Рис. А. Р.

Въ началѣ войны нѣмецъ былъ слабыи намекомъ на человѣка.

Теперь онъ одичалъ и превратился въ ярко-выраженное „человѣкообразное“ — въ ту обезьяну, выдумавшию которую, такъ загордился нѣмецъ.

Въ концѣ войны онъ превратился въ отвратительную обезьяну и по заключеніи мира, по неграмотности, поставилъ крестъ надъ собою.

КАЗАКЪ.

Я брожу теперь въ лѣсу.
Одиночко и сурово
Службу вѣрную несусь
Безъ пристанища и кровя.
Послѣ бранного труда
На травѣ лежу примятой, —
Крѣпко пахнетъ борода
Коноплей и дикой мяты.
У меня орлиный взоръ,
У меня походка звѣря,
День и ночь веду дозоръ,
Ничему вокругъ не вѣря:
Затрешишь еловый пень —
Я беру на изготовку;
Шевельнется въ чащѣ тѣнь —
Навожу туда винтовку;
Замаячитъ впереди
У лежалаго полѣна —
Я съ тревогою въ груди
Опускаюсь на колѣна.
У меня товарищъ — конь,
Пять годковъ ему, не болѣ,
Оба нюхали огонь,
Оба хаживали въ поле;
Оба вырвались въ пылу
За нѣмецкіе окопы,
А теперь живемъ въ тылу
И нащупываемъ тропы:
Кинешь вправо — на луту
Полевые лазареты;
Надоумило врагу
Раскидать вокругъ секреты;
Кинешь влѣво — тотъ же толкъ, —
Гдѣ лѣсокъ пошелъ старье,
Охраняетъ вражій полкъ
Полевыя батареи.
И пора бы намъ двоимъ
Заслужить и честь и славу,
Да не выбиться къ своимъ
Черезъ крѣпкую заставу.
Что сумуешь, мой конекъ?
Маловата нынче дача?
Подождемъ еще денекъ,
Можетъ, выпадеть удача!
Эхъ! Прими, Святая Твердь,
Наши души на поруки!
Либо — слава, либо — смерть,
А живымъ не дамся въ руки!

Владимиръ Воиновъ.

ТЕХНИКА.

Около германскаго главнаго штаба собралась цѣлая толпа.

Унылый человѣкъ въ штатскомъ отдался отъ хвоста дожидавшихся очереди и подошелъ къ офицеру.

— Я не могу больше... Они подождутъ, пустите меня...

— Прошу соблюдать очередь... Вы видите же, что другіе...

— Другіе, другіе... У меня срочное изобрѣтеніе... Сегодня только утромъ...

— Вы по какому отдалу записались?

— Я по двумъ: умерщвленіе легко раненыхъ и по отдалу паники населенія...

— Нельзя-съ. Сейчасъ еще газовики на приемъ...

— Помилуйте... За ними нефтяники, песочники, плавильщики проволочныхъ загражденій идутъ, а у меня олово горячее въ карманѣ лежитъ... Не могу же я съ холоднымъ своимъ изобрѣтеніемъ объяснять...

— Не могу-съ... Слѣдующій. Фамилія?

— Въ то время, какъ наша армія... Фамилія? Пожалуйста. Ее же носилъ и мой добрый отецъ, который трудами своихъ рукъ и мягкостью своего доброго хара... Скорѣе? Хорошо. Мы должны побѣдить техникой.

— У насъ есть сотни предложений...

— Я тоже.

— Что тоже?

— Изобрѣль.

— Пожалуйста. Налѣво, потомъ прямо. Тамъ скажутъ...

— Господинъ офицеръ, а господинъ офицеръ!... Зачѣмъ вы его въ канцелярію штаба пропустили?! Какое у него изобрѣтеніе?!

— А вы почему знаете?

— Да рассказывалъ онъ мнѣ. Портной онъ и изобрѣтеніе у него дурацкое. Пусть, говоритъ, чаны съ кипяткомъ впереди не-

Лотерейные гримасы.

Рисунки Реми.

Мнѣ хотя бы сорокъ...

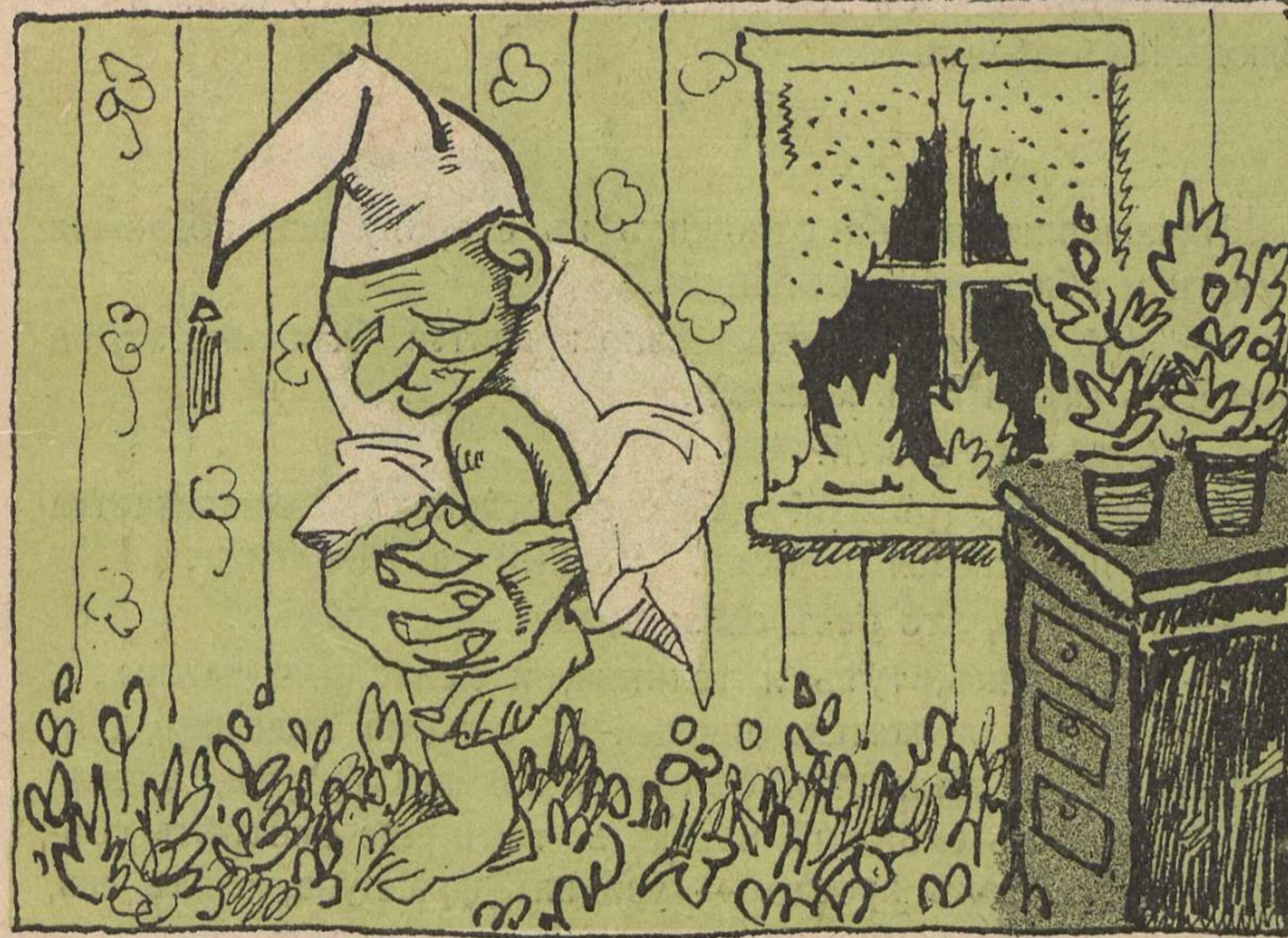
(С. стр. 4.)

ДЕНЬ НЪМЦА.

(Листки изъ дневника.)

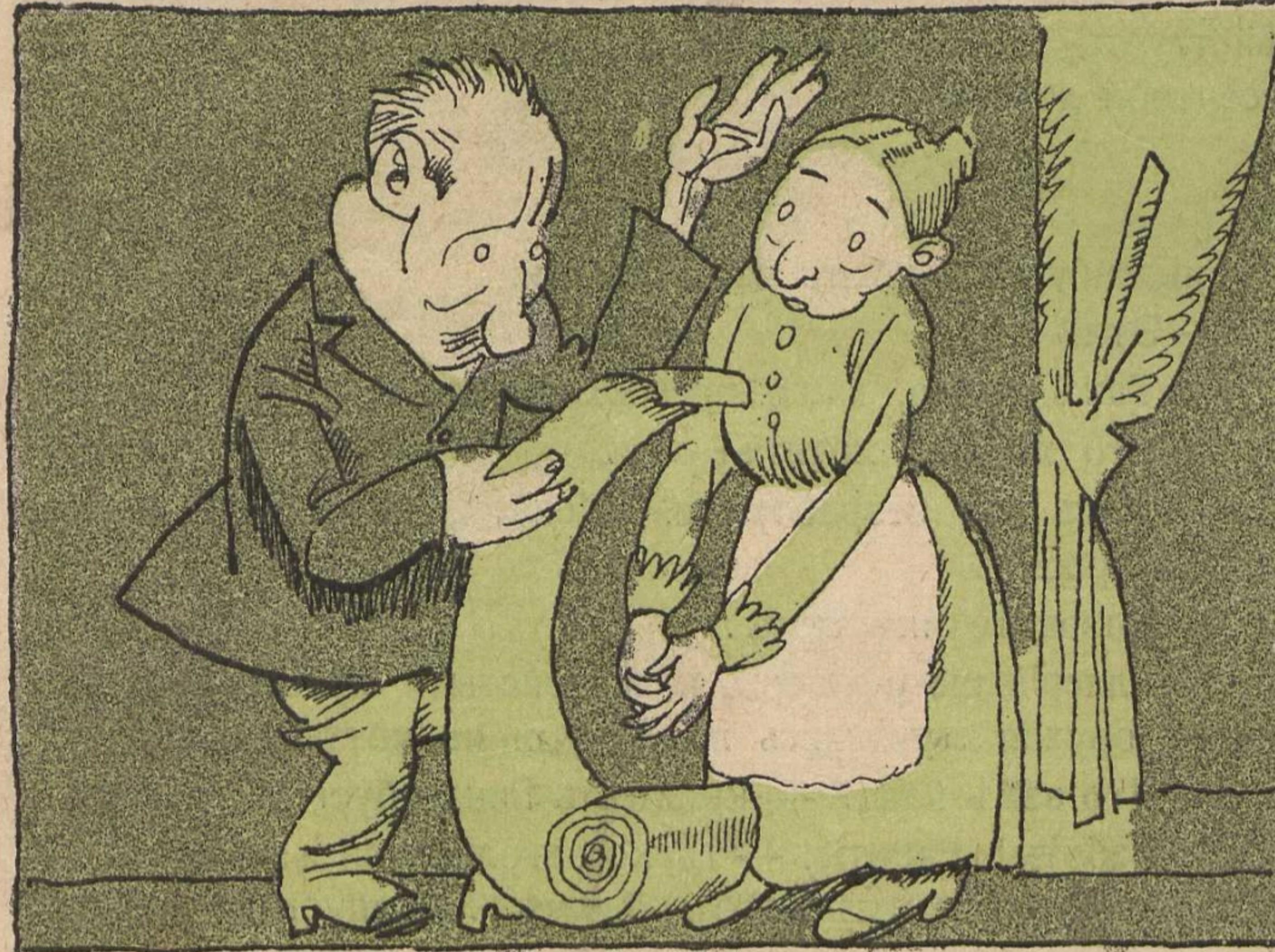
Рис. А. Радакова.

Сплю плохо. Спать приходится на одной ногѣ: вся спальня засѣяна картофелемъ, — такова воля кайзера.

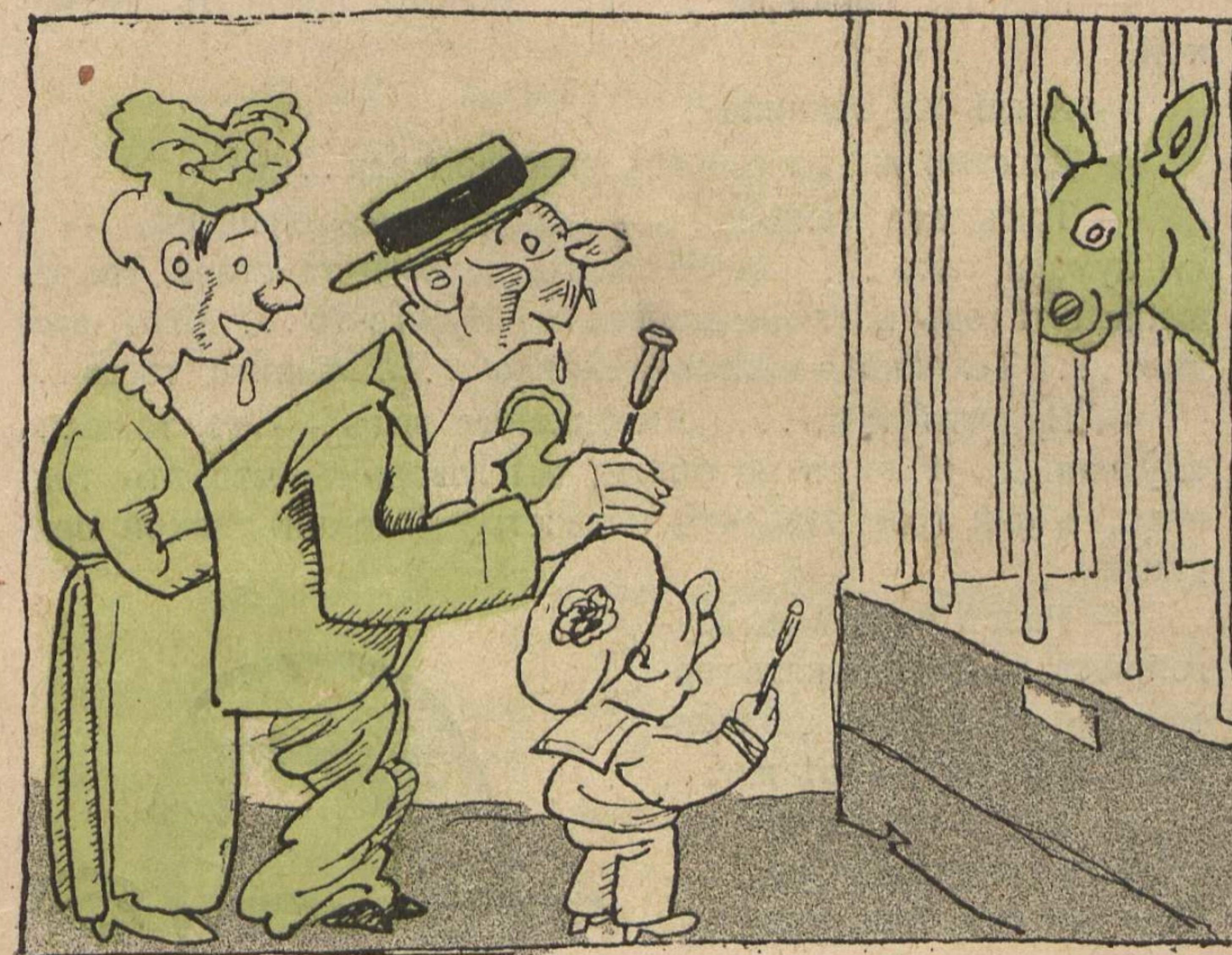
Вся мѣдная посуда пожертвована на дѣло защиты родины. По утрамъ сажусь на спиртовку, вливаю въ себя кофе — словомъ, изображаю кофейникъ... Тяжело.

Выгнали со службы: все опаздываю. Кайзеръ хочетъ, чтобы всѣ честные нѣмцы каждое утро перечисляли всѣхъ, кого нужно наказать. — „Накажи Англію, накажи Францію“ и т. д., а ихъ все прибавляется и прибавляется!

Завтракаю... гм... довольно сытно! Смотрю на хлѣбъ „Ка-ка“, пью воду, иногда чувствую, что съять, затягивая набрюшникомъ желудокъ. Простудился: мѣдные пуговицы пожертвовалъ на защиту дорогой родины, и панталоны не держатся. Родина, оцѣни!

Но зато въ роскошномъ обѣдѣ себѣ и своей семье я не откаживаю. Идемъ въ зоологический садъ и смотримъ, сколько хотимъ, на самыхъ лучшихъ коровъ и оленей, а по воскресеньямъ на фазановъ и курь и закусываемъ все это хлѣбомъ „Ка-ка“

Скорѣй бы кончалась эта война! О, я, право, не могу! Вчера пришелъ къ той, которая для меня даже дороже пива, и сказалъ ей: „Кайзеръ хочетъ, чтобы было больше солдатъ. Неужели и теперь ты не согласна?!“ — „О моя сливочная сосисочка, — сказала она, — я согласна, только съ условиемъ, что ты затворишь дверь, я такъ стыдлива“... — Пр-р-роклятие!... замка и ключа не было: я самъ умолялъ ее всю мѣдь отдать на защиту родины...

НОВЫЙ САТИРИКОН

Рис. А. К.

ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ.

Императоръ Вильгельмъ пожаловалъ командиру подводной лодки, потопившей „Лузитанию“, орденъ „Pour le mérite“ первой степени.

Акула: — Милый Вильгельмъ! Какъ онъ любить нась: онъ не только кормить нась, но онъ нашего лучшаго повара наградилъ высшимъ орденомъ.

суть: какъ дойдутъ до окоповъ, краны раскрыть надо и кипяткомъ поливать...

— Прошу соблюдать очередь... Прошу...

— Да мы соблюдаемъ... Вотъ тутъ одинъ сзади стоять, у того и то ужъ лучше... Палка такая, а на палкѣ гвоздь. Раскачетъ палку, а гвоздемъ-то по головѣ.

— Кого?

— Француза. Можно и англичанина.

— Да вѣдь они же далеко.

— А подбѣжать нельзя? Что? Стрѣлять будутъ? Это вѣрно. Ну, такъ во время перемирия можно... Ружьемъ по палкѣ? Вы еще пушкой скажете... Да что вы ко мнѣ привязались. Не мое изобрѣтеніе — чужое. У меня свое есть... Какое? Ну, знаете...

— Не хотите, не надо. Свое имѣмъ. Тоже, можетъ быть, не хуже нѣкоторыхъ...

— Только ужъ подъ честное слово... Берется, знаете ли, такой большой кубъ съ известкой и кладется на телѣгу. Потомъ берутся два ведра воды... Да вы что-то ужъ очень внимательно слушаете — можетъ, у васъ и никакого изобрѣтенія нѣтъ, а такъ, къ чужимъ примазываетесь...

— Господинъ офицеръ... Скоро тотъ, который съ кипяткомъ, выйдетъ... У меня же олово въ карманѣ, говорилъ вамъ...

— Прошу соблюдать...

— Тутъ люди съ техникой пришли, а онъ со своимъ соблюденіемъ лѣзеть...

* * *

Начальникъ штаба отложилъ въ сторону всѣ поданныя бумаги и облегченно вздохнулъ.

— Минъ кое-что положительно нравится. Особенно этотъ персъ съ сажей и съ кольями.

— Стрѣлять сажей?

— Зачѣмъ стрѣлять? Берется человѣкъ, вываливается въ сажѣ и сажается на коль. Черный такой и сидѣть.

— Можетъ, это безъ сажи можно — скорѣе?...

— Голубчикъ, тутъ и техника, и психологія важны... Для населенія дѣлается: черный-то онъ на психику дѣйствуетъ, дѣти маленькия бѣгаютъ, бояться будутъ, а если его на коль въ смокингъ посадить, такъ еще смотрѣть сбѣгутся... А такъ просто — увидѣлъ француза, взялъ его, посадилъ и дѣло съ концомъ... Кто съ раненымъ считаться будетъ?!

— А, этимъ, такъ сказать, уже Красный Крестъ займется... Понимаю, понимаю...

— И съ кипяткомъ тутъ одинъ проекteцъ даль хороши, и съ оловомъ хорошо. Горячее олово, оно на зѣніе здорово дѣйствуетъ... И на каждый глазъ по пустяку — по десертной ложкѣ...

* * *

Гинденбургъ вышелъ изъ палатки.

— Эти?

— Такъ точно, ваше превосходительство.

— Что же они хотятъ?

— Такъ что безработные. Ходять, марсельезу поютъ, работы просятъ.

— Позовите ихъ сюда...

Артиллерийские офицеры, кавалеристы и офицеры другихъ родовъ оружія сгрудились въ кучу и не хотѣли подходить.

— Что вамъ надо? — крикнулъ Гинденбургъ.

— Работы! Работы! — глухо заволновались офицеры, — третью недѣлю даромъ хлѣбъ щедимъ... Напустили штрайкбрехеровъ, а насть по боку...

— Какихъ штрайкбрехеровъ?

— А вотъ этихъ, которые со своими газами, оловомъ да пескомъ... Къ орудію подойдешь, а они съ газомъ впередъ лѣзутъ... Въ атаку хочешь, а они съ нефтью пробираются...

— Господа офицеры... Мы должны побѣдить техникой...

— А гдѣ же техника?

— Да сами же вы сейчасъ разсказывали...

— Такъ это техника! — обрадовались офицеры, — а мы думали такъ... Армія, моль, дорожовата стала, сокращеніе штатовъ и такъ дальше... Ну, то-то... Это иное дѣло... Техника — такъ техника... Извините тогда...

— Ну, что тамъ... Американцы вотъ — тѣ тоже... «Лузитанию» у нихъ потопили; мы говоримъ, что это техника, а они говорятъ, что подлость. Терминъ такой придумали.

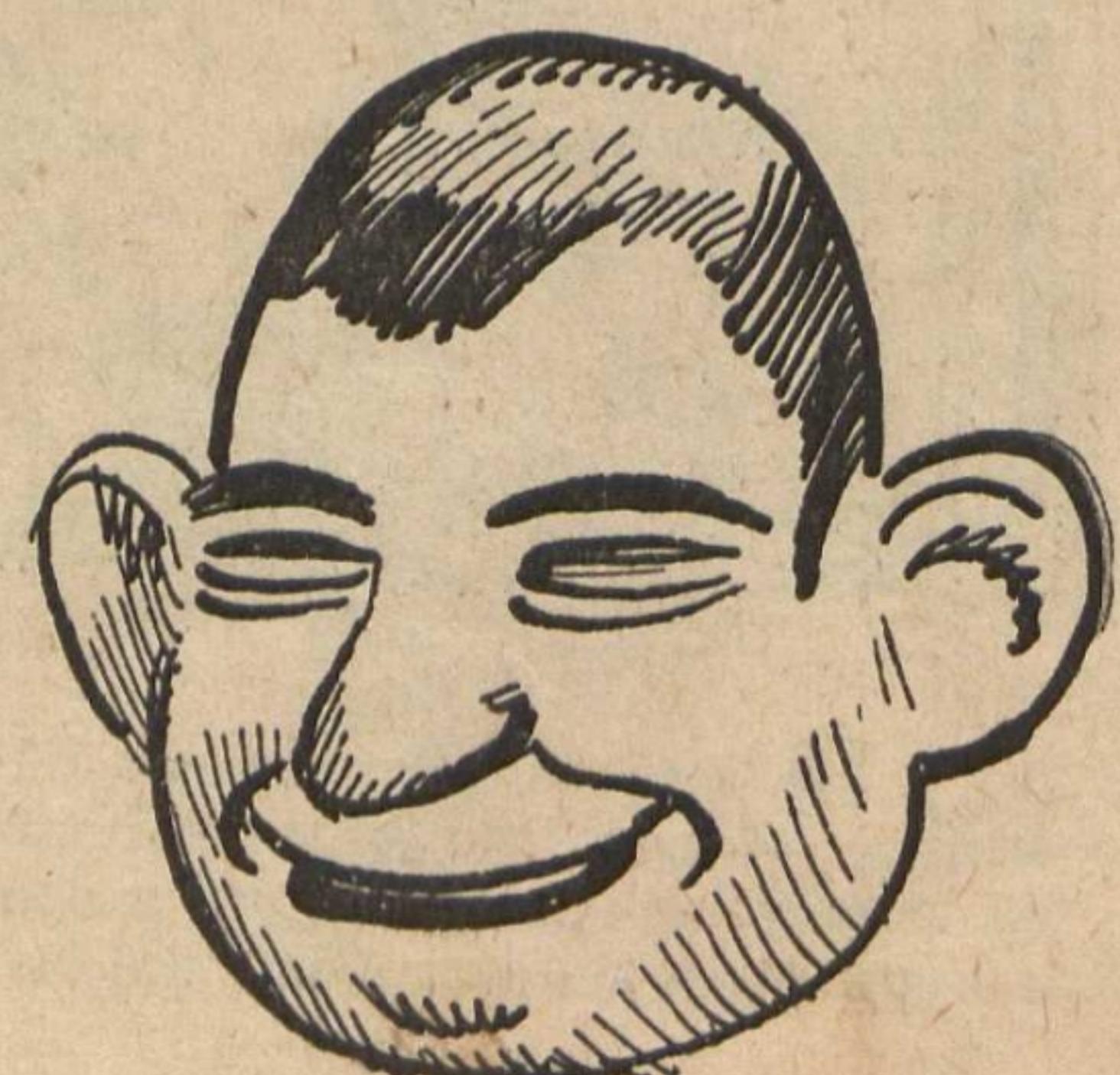
— Развѣ человѣкъ другой расы можетъ понять германца! — вѣжливо согласились офицеры, — гдѣ же...

— Ну, конечно, — замѣялся Гинденбургъ. — Меня недавно англичане плачомъ и скотиной назвали. Отравитель, говорять... Я хотѣлъ имъ объяснить, да рукой махнулъ... Технику не всякий понять можетъ...

Арк. Буховъ.

— Немножко выигралъ...

(См. стр. 8.)

НОВЫЙ САТИРИКОН

„Ультиматумъ Америки былъ для Германиі ударомъ грома на ясномъ небѣ.“
(Изъ газеты.)

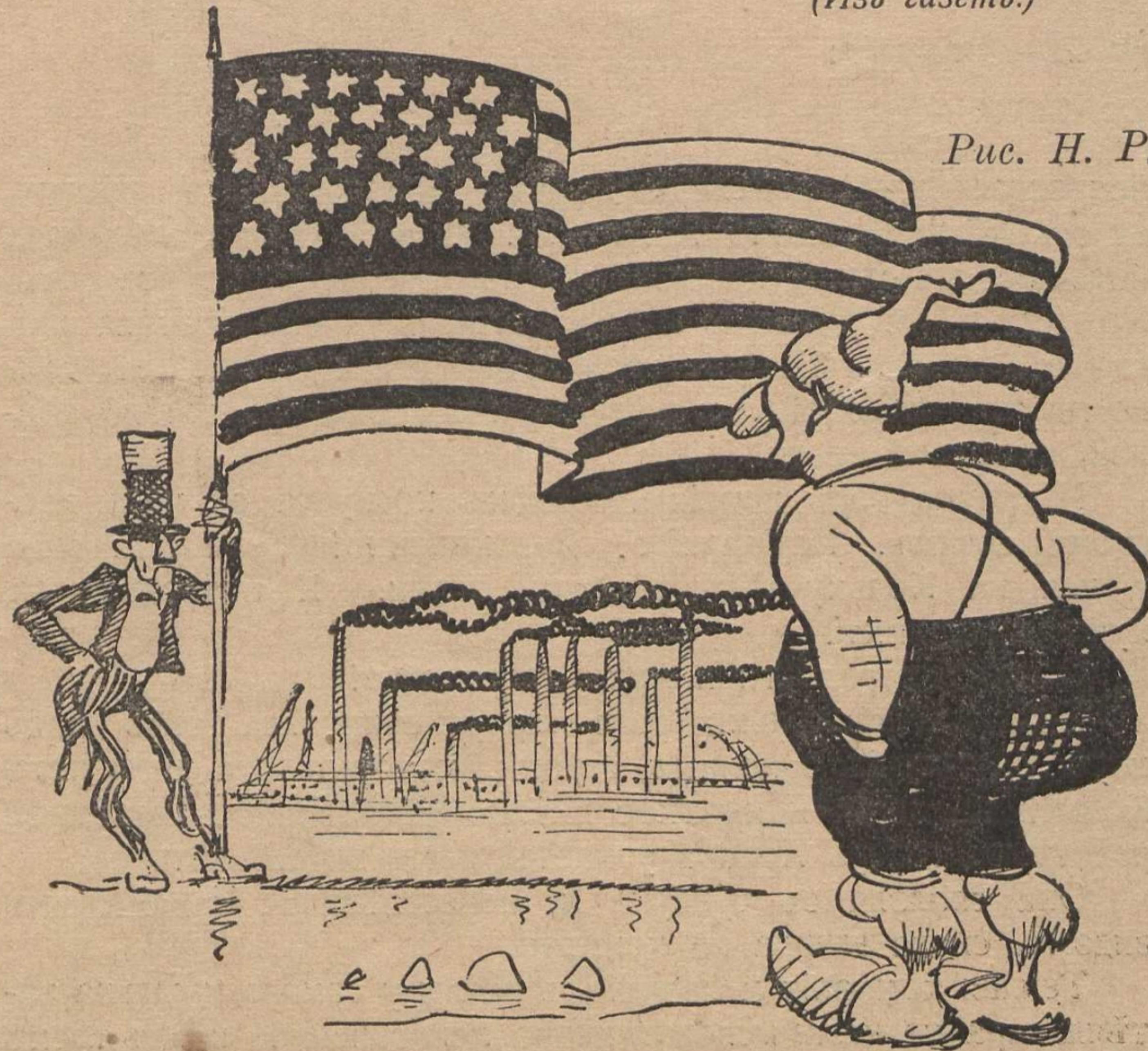

Рис. Н. Р.

Нѣмецъ: — О, какія прекрасныя серебряныя звѣзды на чудномъ голубомъ фонѣ!... Я бы всегда хотѣлъ любоваться этимъ флагомъ, а древко, прямо, хочется потрогать.

ВОЕННО-МОРСКАЯ ЛЮБОВЬ.

По морямъ играя носится
Съ миноносцемъ миноносица.

Льнетъ, какъ будто къ меду осочки,
Къ миноносцу миноносочка.

И конца бѣ не довелось ему,
Благодушью миноносѣму, —

Вдругъ прожекторъ, вздѣвъ на носъ очки,
Впился въ спину миноносочки.

Какъ взреветь мѣдноголосина:
«Р-р-растакая миноносина»!

Прямо ль, влѣво ль, вправо ль бросится,
А сбѣжала миноносица.

Но ударить удалось ему
По ребру, по миноносѣму.

Плачъ и вой морями носится:
Овдовѣла миноносица!

И чего это несносень намъ
Миръ въ семействѣ миноносиномъ!
В. Маяковскій.

ИСПРАВЛЯЙТЕ БЫЛИНЫ!

(Руководство для преподавателей словесности.)

Чтобы разъ навсегда избѣжать назойливыхъ и тормозящихъ урокъ вопросовъ со стороны не въ мѣру любознательныхъ учениковъ:

— А что такое зелено вино?
— Пьяный медъ?
— Брага хмельная?

— Водочки стоялъ? и т. д.,

преподаватель словесности долженъ передѣлать былины на современный ладъ, изгнавъ изъ нихъ всѣ отжившіе свой вѣкъ напитки.

Вотъ образцы такихъ перекроенныхъ на современный ладъ былинъ — для мужскихъ учебныхъ заведений.

...Какое количество денатурата выпивалось на пирахъ у князя Владимира Красное Солнышко, — обѣ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ былины:

Повыкатиль князь политурочки девяносто пудъ,
Ханжи пьяненъкой девять бочечекъ,
Девять бочечекъ-сороковочекъ.

...Ополчается Василій Буслаевичъ противъ Батыгушка и зятя его Тараканчика, и князь Владимира потчуєтъ его на дорогу:

И Владимира князь столѣнъ-Кievskій
Наливаєтъ ему чару лака крѣпкаго,
Лака крѣпкаго полтора ведра,
Другую наливааетъ спирту древеснаго,
Третью наливааетъ спирту свѣтильного,
И составили питье въ одно мѣсто,
Становилося питья полпята ведра.
И принимаетъ Василій единой рукой
И выпиваетъ Василій на единый здохъ.

...Послѣ побѣды надъ Калиномъ, царемъ татарскимъ, Владимира велѣль отпереть всѣ запыленныя „пивныя лавки“ и запечатанные погреба от народа:

Растворилъ какъ онъ всѣ погреба, пивныя онъ,
Чтобы весь народъ какъ пилъ денатурать;
Кто не пьетъ денатуратушку,
Тотъ бы пилъ да политурушку чистую,
А кто же пьетъ политурушки чистой,
Тотъ бы пилъ лаки стоялые, —
Чтобы всѣ да веселились.

...Богатырь Михайло Потокъ Ивановичъ, возвратившись изъ Заморского царства, гдѣ онъ, по порученію князя, справлялъ дани, взамѣнъ княжеской награды, проситъ:

Мнѣ не надо городовъ съ пригородками,
Сель твоихъ да со приселками,
Мнѣ дай-ка ты лишь волюшку:
На столичныхъ всѣхъ на аптекахъ
Давали бы мнѣ по рецептамъ безпрепятственно:
Вино красное и бѣлое,
Да коньякъ, да ромъ, да шампанею.

А вотъ образцы русскихъ былинъ — для женскихъ учебныхъ заведений:

...Вѣдетъ богатырь Дунай Ивановичъ въ Золотую Орду выставть для князя Владимира невѣсту, и тутъ не обходятся безъ угощенья:

Подносятъ Дунаю чару шпанки (безъ алкоголя) въ полтора ведра,
Турій рогъ сидра яблочнаго въ полтретья ведра;
Выпиваетъ онъ, Дунай, чару тоя шустовской шпанки
И турій рогъ сидра сладкаго.

...Владимира просить Соловья Разбойника засвистать, но Муромецъ объясняетъ князю, что Соловью необходимо предварительно промочить горло:

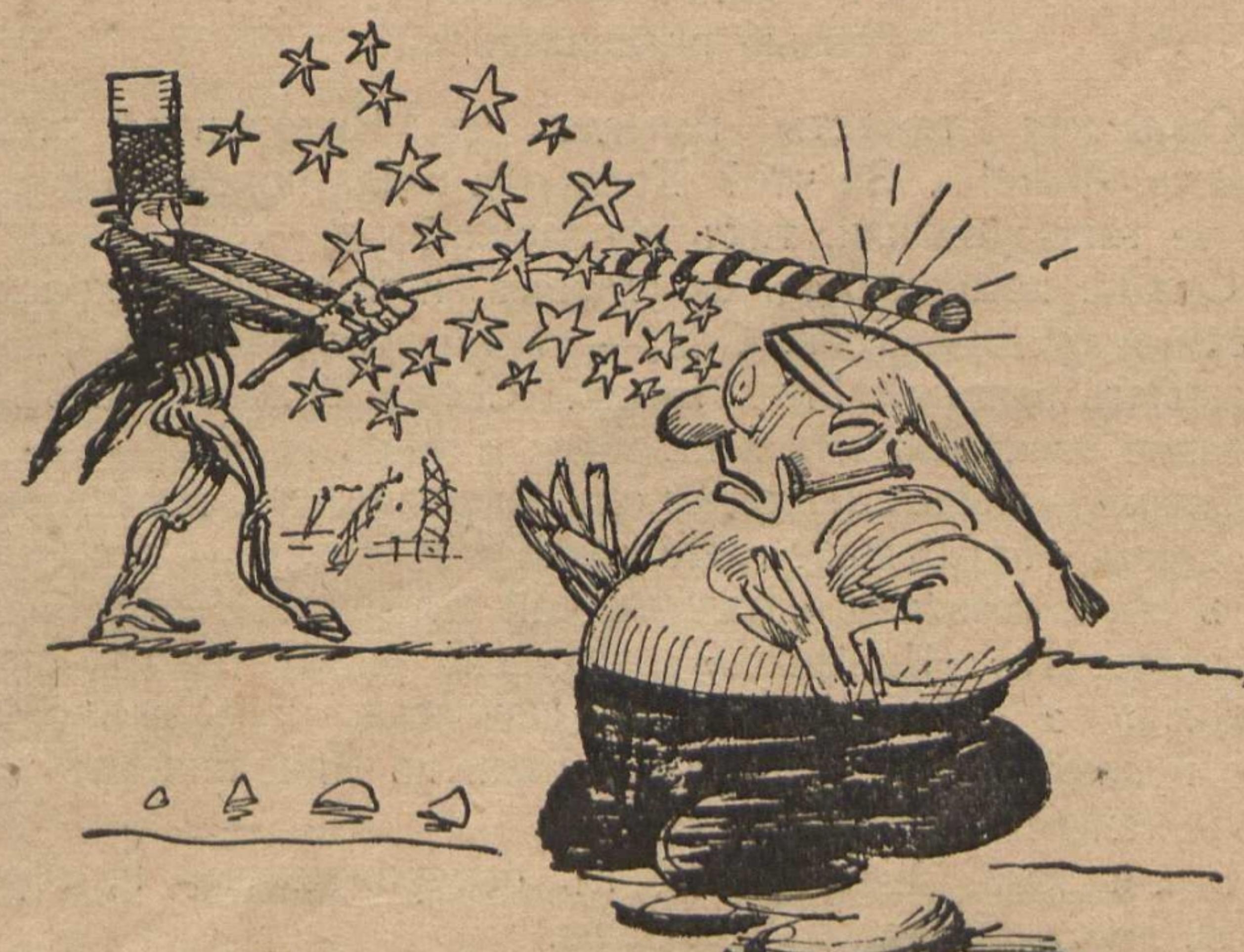
Ай же ты, князь стольно-Кievskій!
Теперь у него уста запечатаны,
Запеклись уста кровью горючею.
Налейте ему чашу фруктовой воды,
Вѣсомъ чашу полтора пуда,
Мѣрой чашу полтора ведра.

...Попадается Садко, богатый гость, къ морскому царю въ водное царство, и тутъ разливное море:

Напивается Садко питьями разными —
Кувакой, Эссентуки № 20,
Нарзаномъ, содовой водой,
И сельтерской водой, и лимонадомъ,
И сухарнымъ квасомъ, и клюквеннымъ.
И развалился Садко, и пьянь онъ сталъ,
И уснуль Садко купецъ, богатый гость.

Ни сельтерская вода, ни лимонадъ, ни сухарный квасъ, ни содовая не вызовутъ въ ученицахъ недоумѣнія, какъ не вызоветъ его Садко, пьющий Эссентуки № 20, — и урокъ словесности пройдетъ гладко, ни разу не прерываемый досадными, нервирующими преподавателей вопросами...

Мих. Пустынинъ.

Желаніе нѣмца исполнилось, но не совсѣмъ: звѣзды остались, древко потрогать не онъ, а оно его, и фонъ сталъ цвѣта свинцовыхъ тучъ.

ЖЕНЬДЛОВОГО ЧЕЛОВЕКА

Разсказъ Аркадія Аверченко.

I.

За всѣ пять лѣтъ Ниночкиной жизни — сегодня на нее обрушился, пожалуй, самый тяжелый ударъ: нѣкто, именуемый Колькой, сочинилъ на нее преядовитый стихотворный памфлеть.

День начался обычно: когда Ниночка встала, то нянька, одѣвъ ее и напоивъ чаемъ, ворчливо сказала:

— А теперь ступай на крыльцо, погляди, какова нынче погодка! Да посиди тамъ подольше, съ полчасика, — постеги, чтобы дождикъ не пошелъ. А потомъ приди да мнѣ скажи. Интересно, какъ оно тамъ...

Нянька врала самымъ хладнокровнымъ образомъ. Никакая погода ей не была интересна, а просто она хотѣла отвязаться на полчаса отъ Ниночки, чтобы на свободѣ напиться чаю со сдобными сухариками.

Но Ниночка слишкомъ довѣрчива, слишкомъ благородна, чтобы заподозрѣть въ этомъ случаѣ подвохъ... Она кротко одѣрнула на животѣ передничекъ, сказала: «Ну, что жъ, пойду погляжу» — и вышла на крыльцо, залитое теплымъ золотистымъ солнцемъ.

Неподалеку отъ крыльца, на ящикѣ изъ-подъ піанино сидѣли три маленькихъ мальчиковъ. Это были совершенно новые мальчики, которыхъ Ниночка никогда и не видывала.

Замѣтивъ ее, мило усѣвшуюся на ступенькахъ крыльца, чтобы исполнить нянькино порученіе — «постеречь, не пошелъ бы дождикъ», — одинъ изъ трехъ мальчиковъ, пошептавшись съ пріятелями, слѣзъ съ ящика и приблизился къ Ниночкѣ съ самymъ ехиднымъ видомъ, подъ личиной наружного простодушія и общительности.

— Здравствуй, дѣвочка, — привѣтствовалъ онъ ее.

— Здравствуйте, — робко отвѣчала Ниночка.

— Ты здѣсь и живешь?

— Здѣсь и живу. Папа, тетя, сестра Лиза, фрейлейнъ, няня, кухарка и я.

— Ого! Нечего сказать, — покривился мальчикъ. — А какъ тебя зовутъ?

— Меня? Ниночка.

И вдругъ, вытянувъ всѣ эти свѣдѣнія, проклятый мальчишка съ бѣшеной быстротой завертѣлся на одной ножкѣ и заораль на весь дворъ:

Нинка-Нинёнокъ,
Сѣрый поросенокъ,
Съ горки скатилась,
Грязью подавилась...

Поблѣднѣвъ отъ ужаса и обиды, съ широко раскрытыми глазами и ртомъ, глядѣла Ниночка на негодяя, такъ порочившаго ее, а онъ снова, подмигнувъ товарищамъ и взявшись съ ними за руки, завертѣлся въ бѣшеномъ хороводѣ, выкрикивая пронзительнымъ голосомъ:

Нинка-Нинёнокъ,
Сѣрый поросенокъ,
Съ горки скатилась,
Грязью подавилась...

Страшная тяжесть налегла на Ниночкино сердце. О Боже, Боже!.. За что? Кому она стала поперекъ дороги, что ее такъ унизили, такъ опозорили?

Солнце померкло въ ея глазахъ, и весь міръ окрасился въ самые мрачные тона. Она — сѣрый поросенокъ?! Она — подавилась трязью? Гдѣ? Когда? Сердце болѣло, какъ прохоженное раскаленнымъ желѣзомъ, и жить не хотѣлось.

Сквозь пальцы, которыми она закрыла лицо, текли обильные слезы. Что больше всего убивало Ниночку — это складность опубликованного мальчишкой памфлета. Такъ больно сознавать, что «Нинёнокъ» прекрасно риѳуется съ «поросенкомъ», а «скатилась» и «подавилась», какъ двѣ одинаково прозвучавшія пощечины, горѣли на Ниночкиномъ лицѣ несмыываемымъ позоромъ.

Она встала, повернулась къ оскорбителямъ и, горько рыдая, тихо побрела въ комнаты.

— Пойдемъ, Колька, — сказалъ сочинителю памфлета одинъ изъ его клевретовъ, — а то эта плакса пожалуется еще — намъ и влетить.

Войдя въ переднюю и усѣвшись на сундукъ, Ниночка съ

непросохшимъ отъ слезъ лицомъ призадумалась. Итакъ, ея оскорбителя зовутъ Колька... О, если бы ей придумать подобные же стихи, которыми она могла бы опорочить этого Кольку, — съ какимъ бы наслажденіемъ она бросила ихъ ему въ лицо!.. Больше часу просидѣла она такъ въ темномъ углу передней, на сундукѣ, и сердечко ея кипѣло обидой и жаждой мести.

И вдругъ богъ поэзіи Аполлонъ коснулся ея лица первымъ своимъ. Неужели?.. Да, конечно! Безъ сомнѣнія, у нея на Кольку будутъ тоже стихи. И нисколько не хуже давешнихъ!

О первыя радости и муки творчества!

Ниночка нѣсколько разъ прорепетировала себѣ подъ носъ тѣ жгучія огненные строки, которыя она швырнетъ Колькѣ въ лицо, и кроткое личико ея озарилось неземной радостью: теперь Колька узнаетъ, какъ затрагивать ее.

Она сползла съ сундука и, повеселѣвшая, съ бодрымъ видомъ, снова вышла на крыльцо.

Теплая компанія мальчишекъ почти у самого крыльца затѣяла крайне незамысловатую, но приводившую всѣхъ трехъ въ восторгъ игру... Именно — каждый, по очереди, приложивъ большой палецъ къ указательному, такъ, что получалось нѣчто въ родѣ колыша, плеваль въ это подобіе колыша, держа руку отъ губъ на четверть аршина. Если плевокъ пролеталь внутри колыша, не задѣвъ пальцевъ, — счастлиій игрокъ радостно улыбался. Если же у кого-нибудь слюна попадала на пальцы, то этотъ неловкій молодой человѣкъ, награждался оглушительнымъ хохотомъ и насмѣшками. Впрочемъ, онъ не особенно горевалъ отъ такой неудачи, а вытеревъ мокрые пальцы о край блузы съ новымъ азартомъ погружался въ увлекательную игру.

Ниночка полюбовалась немнogo на происходившее, а потомъ поманила пальцемъ своего оскорбителя и, нагнувшись съ крыльца къ нему, спросила съ самymъ невиннымъ видомъ:

— А тебя какъ зовутъ?

— А что? — подозрительно спросилъ осторожный Колька, чуя во всемъ этомъ какой-то подвохъ.

— Да ничего, ничего... Ты только скажи: какъ тебя зовутъ?

У нея было такое простодушное, наивное лицо, что Колька поддался на эту удочку.

— Ну, Колька, — прохрипѣлъ онъ.

— А-а-а... Колька...

И быстрой скороговоркой выпалила сіющая Ниночка:

Колька-Колёнокъ,
Сѣрый поросенокъ,
Съ горки скатился,
Подавился... грязью...

Тутъ же она бросилась въ предусмотрительно оставленную ею полуоткрытую дверь, а вслѣдъ ей донеслось:

— Дура собачья!

II.

Немного успокоенная, побрела она къ себѣ въ дѣтскую. Нянька, разложивъ на столѣ какую-то матерчатую дрянь, выкраивала изъ нея рукавъ.

— Няня, дождикъ не идетъ.

— Ну, и хорошо.

— Что ты дѣлаешь?

— Не мѣшай мнѣ.

— Можно смотрѣть?

— Нѣть, нѣть ужъ, пожалуйста. Пойди лучше, посмотри, что дѣлаетъ Лиза.

— А потомъ что? — покорно спрашиваетъ исполнительная Ниночка.

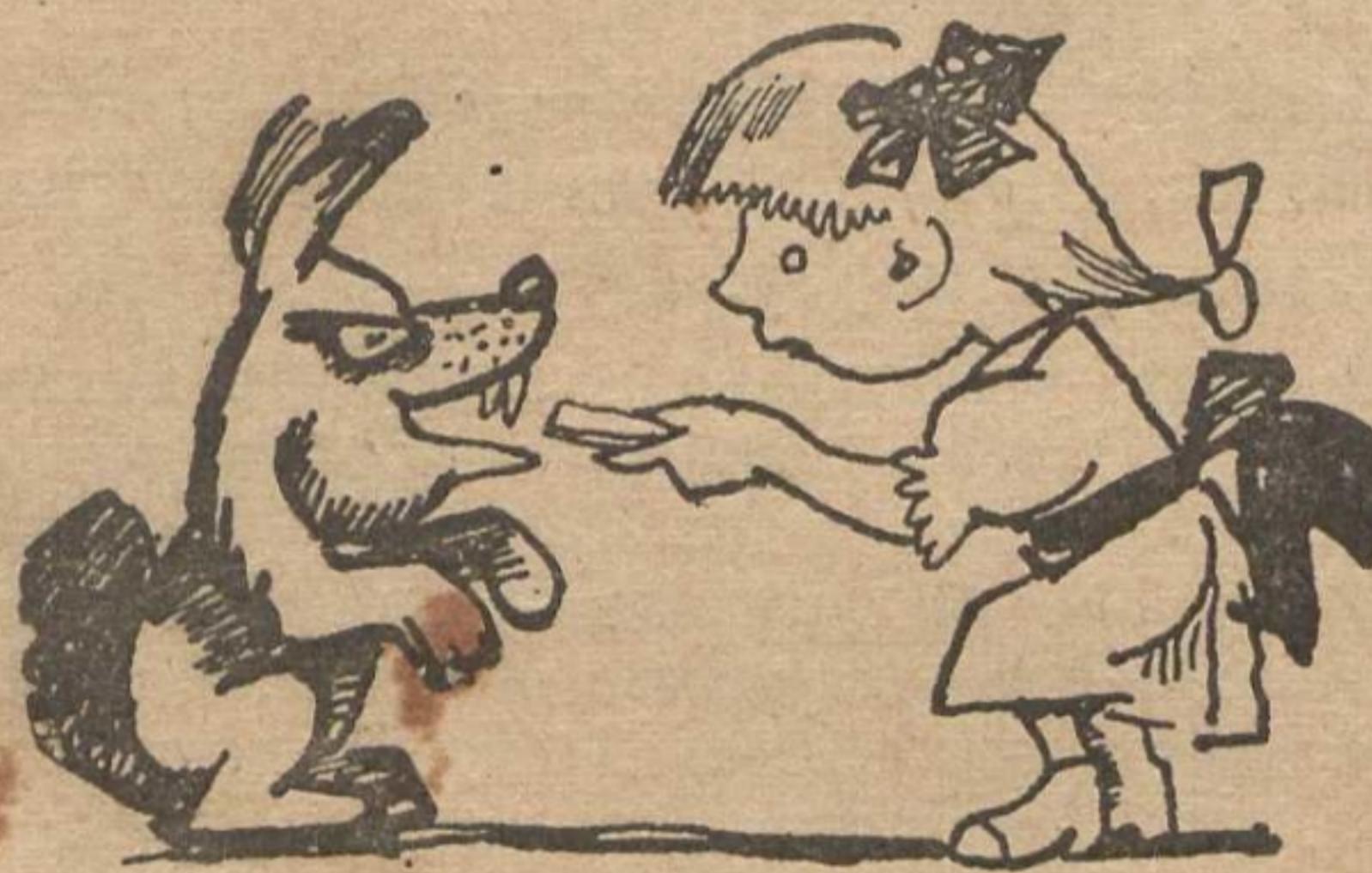
— А потомъ скажешь мнѣ.

— Хорошо...

При входѣ Ниночки четырнадцатилѣтняя Лиза поспѣшно прячетъ подъ столѣ книгу въ розовой оберткѣ, но, разглядѣвъ, кто пришелъ, снова вынимаетъ книгу и недовольно говоритъ:

— Тебѣ чего надо?
 — Няня сказала, чтобы я посмотрѣла, что ты дѣлаешь.
 — Уроки учу. Не видишь, что ли?
 — А можно мнѣ около тебя посидѣть?.. Я тихо.
 Глаза Лизы горятъ, да и красные щеки еще не остыли послѣ книги въ розовой оберткѣ. Ей не до сестренки.
 — Нельзя, нельзя. Ты мнѣ будешь мѣшать.
 — А няня говоритъ, что я ей тоже буду мѣшать.
 — Ну, такъ вотъ что... Пойди, посмотри, гдѣ Тузикъ?
 Что съ нимъ?
 — Да онъ, навѣрно, въ столовой около стола лежитъ.
 — Ну, вотъ. Такъ ты пойди, посмотри, тамъ ли онъ, погладь его и дай ему хлѣба.
 Ни одной минуты Ниночкѣ не приходитъ въ голову, что отъ нея хотятъ избавиться. Просто ей дается отвѣтственное порученіе — вотъ и все.
 — А когда онъ въ столовой, такъ придти къ тебѣ и сказать? — серьезно спрашиваетъ Ниночка.

Гладить Тузика, даетъ ему хлѣба и потомъ озабоченно мчится къ отцу (вторая половина порученія — сообщить о Тузикѣ отцу).

— Папа!
 Папы въ кабинетѣ нѣтъ.
 — Папа!
 Папы нѣтъ въ гостионѣ.
 — Папа!

Наконецъ-то... Папа сидитъ въ комнатѣ фрейлейнѣ, близко наклонившись къ той, послѣдней, держа ея руку въ своей рукѣ.

При появлѣніи Ниночки, онъ немного откидывается назадъ и говоритъ съ немногим преувеличенной радостью и изумленіемъ:

— А-а! Кого я вижу! Наша многоуважаемая дочь! Ну, какъ ты себя чувствуешь, свѣтъ очей моихъ?

— Папа, я уже покормила Тузика хлѣбомъ.
 — Ага... И хорошо, братъ, сдѣлала; потому они, животные эти, безъ пищи, тово... Ну, а теперь иди себѣ, голубь мой сизокрылый.

— Куда, папа?
 — Ну... пойди ты вотъ куда... Пойди ты... гм!... Пойди ты къ Лизѣ и узнай, что она тамъ дѣлаетъ.

— Да я уже только была у нея. Она уроки учить.
 — Вотъ какъ... Пріятно, пріятно.

Онъ краснорѣчиво глядѣть на фрейлейнѣ, потихоньку гладить ея руку и неопределенно мялить:

— Ну... въ такомъ разѣ... пойди ты къ этой самой... пойди ты къ нянѣ и погляди ты... чѣмъ тамъ занимается вышесказанная нянка?

— Она что-то шьетъ тамъ.
 — Ага... Да постой! Ты сколько кусковъ хлѣба дала Тузику?

— Два кусочка.
 — Эка расщедрилась! Развѣ такой большой песь можетъ быть съѣсть двумя кусочками? Ты ему, ангель мой, еще вкати... Кусочка, этакъ, четыре. Да посмотри, кстати, не грызетъ ли онъ ножку стола.

— А если грызетъ, придти и сказать тебѣ, да? — глядя на отца свѣтлыми ласковыми глазами, спрашиваетъ Ниночка.

— Нѣтъ, братъ, ты это не мнѣ скажи, а этой, какъ ее... Лизѣ скажи. Это уже по ея департаменту. Да если есть у этой самой Лизы эта какая-нибудь смѣшная книжка съ картинками, тѣ ты ее, значитъ, тово... Промотри хорошенько, а потомъ разскажешь, что ты видѣла. Поняла?

— Поняла. Посмотрю и разскажу.
 — Да это, братъ, не сегодня. Разскажать можно и завтра. Надѣя нами не каплетъ. Вѣрно вѣдь?

— Хорошо. Завтра.
 — Ну, путешествуй!
 Ниночка путешествуетъ. Сначала въ столовую, гдѣ добросовѣстно засовываетъ Тузику въ оскаленную пасть три куска хлѣба, потомъ въ комнату Лизы.

— Лиза! Тузикъ не грызетъ ножку стола.
 — Съ чѣмъ тебя и поздравляю, — разсѣянно роняетъ Лиза, впившись глазами въ книгу. — Ну, иди себѣ.
 — Куда идти?
 — Пойди къ папѣ. Спроси, что онъ дѣлаетъ.
 — Да я уже была. Онъ сказалъ, чтобы ты мнѣ книжку съ картинками показала. Ему надо все завтра разскажать...
 — Ахъ ты, Господи! Что это за дѣвчонка!.. Ну, на тебѣ! Только сиди тихо. А то выгоню.

Покорная Ниночка опускается на скамеечку для ногъ, разворачивается на колѣняхъ данную сестрой иллюстрированную геометрію и долго разсматриваетъ усѣченныя пирамиды, конусы и треугольники.

— Посмотрѣла, — говоритъ она черезъ полчаса, облегченно вздыхая. — Теперь что?

— Теперь? Господи! Вотъ еще неприкаянный ребенокъ. Ну, пойди на кухню, спроси у Ариши: что у насъ нынче на обѣдѣ? Ты видѣла когда-нибудь, какъ картошку чистятъ?

— Нѣтъ...
 — Ну, пойди, посмотри. Потомъ мнѣ разскажешь.
 — Что жъ... пойду.

У Ариши гости: сосьдская горничная и посыльный — «красная шапка».

— Ариша, скоро будешь картошку чистить? Мнѣ надо смотрѣть.

— Гдѣ тамъ скоро! И черезъ часъ не уберусь.
 — Ну, я посижу, подожду.

— Нашла себѣ мѣсто, нечего сказать!.. Пойди лучше къ нянѣ, скажи, чтобы она тебѣ чего-нибудь дала.

— А чего?
 — Ну, тамъ она знаетъ — чего.
 — Чтобы сейчасъ дала?
 — Да, да, сейчасъ. Иди себѣ, иди!

III.

Цѣлый день быстрыя ножки Ниночки переносятъ ее съ одного мѣста на другое. Хлопотъ уйма, порученій — по горло. И все самыя важныя, неотложныя.

Бѣдная «неприкаянная» Ниночка.
 И только къ вечеру, забредя случайно въ комнаты тети Вѣры, Ниночка находитъ настоящій привѣтливый пріемъ.

— А-а, Ниночка, — бурно встрѣчаетъ ее тетя Вѣра. — Тебя-то мнѣ и надо. Слушай, Ниночка... Ты меня слушаешь?

— Да, тетя. Слушаю.
 — Вотъ что, милая... Ко мнѣ сейчасъ придетъ Александръ Семенъчъ. Ты знаешь его?

— Такой, съ усами?
 — Вотъ именно. И ты, Ниночка... (тетя странно и тяжело дышитъ, держась одной рукой за сердце) ты, Ниночка... сиди у меня, пока онъ здѣсь, и никуда не уходи. Слышишь? Если онъ будетъ говорить, что тебѣ пора спать, ты говори, что не хочешь... Слышишь?

— Хорошо. Значить, ты меня никуда не пошлешь?
 — Что ты! Куда же я тебя пошлю? Наоборотъ, сиди тутъ и больше никакихъ. Поняла?

— Барыня! Ниночку можно взять? Ей уже спать давно пора.

— Нѣтъ, нѣтъ, — она еще посидитъ со мною. Правда, Александръ Семенъчъ?

— Да пусть спать идетъ, чего тамъ? — говоритъ этотъ молодой человѣкъ, хмуря брови...

— Нѣтъ, нѣтъ, я ее не пущу. Я ее такъ люблю...
 И судорожно обнимаетъ тетя Вѣра большими теплыми руками крохотное тѣльце дѣвочки, какъ утопающей, который въ послѣдней предсмертной борьбѣ готовъ ухватиться даже за крохотную соломинку...

А когда Александръ Семенъчъ, сохранивъ угрюмое выраженіе лица, уходитъ, тетя какъ-то вся опускается, вянетъ и говоритъ совсѣмъ другимъ, не прежнимъ тономъ:

— А теперь ступай, дѣтка, спать. Нечего тутъ разсиживаться. Вредно...

* * *

Стягивая съ ноги чулочекъ, усталая, но довольная Ниночка думаетъ про себя, въ связи съ той молитвой, которую она только что вознесла къ небу, по настоянію нянѣ, за покойную мать:

— А что если и я помру? Кто тогда все дѣлать будетъ?

Арк. Аверченко.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Отбросы отбросовъ.

Плохо, когда фильтръ дѣлается дырявымъ:

По сообщению австрійскихъ газетъ, освобожденію отъ призыва подлежатъ лишь тѣ ландштурмисты, которые не имѣютъ руки или ноги, слѣпые на оба глаза, глухонѣмы, уроды, умалишенные и эпилептики.

Впрочемъ, не пригодность послѣднихъ двухъ категорій принимается во вниманіе только при вербовкѣ простыхъ солдатъ. Для лицъ же командающихъ это препятствіемъ не является.

Подъ звуки Шопена...

Существуетъ распространенное мнѣніе, что музыка смягчаетъ нравы...

Вотъ:

Въ имѣніе „Большая Цезара“ пріѣхалъ небольшой отрядъ пруссаковъ во главѣ

— Выигрышь менѣе чѣмъ въ 50.000 меня не интересуетъ.

съ офицеромъ и проѣхалъ къ квартирѣ мѣстного волостного писаря Юркевича.

Дома въ это время была только жена писаря, хорошо знающая нѣмецкій языкъ.

Нѣмцы, бесѣдуя съ женщиной, выразили свое удовольствіе по поводу знанія ею нѣмецкаго языка, а затѣмъ, увидавъ піанино, попросили ее сыграть какои-нибудь вальсъ.

Жена писаря сначала отказывалась, но затѣмъ сѣла за піанино и только что хотѣла играть, какъ въ этотъ моментъ одинъ изъ пруссаковъ схватилъ ее за руки, а другой закрылъ ей глаза.

Въ то же время раздался приказъ прусскаго офицера осмотрѣть весь домъ и забрать все болѣе или менѣе цѣнное.

Въ связи съ этой „обыкновенной исторіей“ обычный свѣтскій діалогъ въ гостиной долженъ вестись, примѣрно, такъ:

— Сударыня... Играете ли вы какой-нибудь вальсъ?

— Играю, но даю вамъ слово, что въ домѣ нѣтъ ничего цѣннаго.

— Гм!.. Я предпочитаю что-нибудь этакое грустное, меланхолическое. Шопена, если можно...

— Конечно, можно бы, но я, знаете, не выношу, когда мнѣ закрываютъ грязной ладонью глаза и затыкаютъ ротъ тряпкой.

— А „Лунную Сонату“? О сударыня! Я быль бы счастливъ...

Сантиментальное воспитаніе всегда скажется.

Редакторъ.

Въ Киевѣ происходитъ, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ, скопленіе разныхъ тварей, какъ чистыхъ, такъ и нечистыхъ:

КІЕВЪ. Въ числѣ доставленныхъ въ Киевъ плѣнныхъ германцевъ находится рядовой ландвернаго полка, призванный изъ запаса, Карлъ Мандль, главный редакторъ газеты „Мюнхенскій Дневникъ“.

Ну, что жъ... Вмѣсто Мюнхенскаго дневника будетъ герръ Мандль вести Киевскій дневникъ...

Дай Богъ, чтобы въ немъ было менѣе лжи, чѣмъ въ первомъ.

Бродячій совѣтникъ.

Римской полиції предписано произвести розыски совѣтника германскаго посольства Гинденбурга, такъ какъ о присутствіи его въ Римѣ итальянское правительство не освѣдомлено, между тѣмъ многія лица видѣли его на улицахъ Рима.

И все это происходитъ потому, что итальянскія постановленія относительно бродячаго и пригульнаго скота не совсѣмъ опредѣленно регламентированы.

Англійскій маскарадъ.

Дѣти страны, давшей Майнъ-Рида, Фенимора Купера и Стивенсона, не могли поступить иначе:

Газетѣ „Stockholm Dagblad“ сообщаютъ изъ Христіаніи: прибывшій сюда рыбакъ, плававшій послѣднія три недѣли въ Сѣверномъ

морѣ, разсказываетъ, какъ англичане потопили въ теченіе сутокъ три германскія подводныя лодки. Крейсировавшій на высотѣ Бергена англійскій миноносецъ замѣтилъ рыбачье судно подъ норвежскимъ флагомъ. Командиръ миноносца заподозрѣлъ, не является ли это судно однимъ изъ тѣхъ, которыя, какъ это нынѣ выяснилось, снабжаютъ германскія подводныя лодки бензиномъ. При повѣркѣ это оказалось дѣйствительно такъ. Тогда командиръ англійского миноносца арестовалъ экипажъ, свезъ его на миноносцу, а часть экипажа послѣдняго перевѣзъ на рыбачье судно и нарядилъ его въ платье норвежскихъ моряковъ, которыхъ всѣ оказались нѣмцами. Затѣмъ на судно было поставлено орудіе и замаскировано, а миноносцу всталъ вплотную къ рыбачьему судну и спрятался за него. Въ такомъ положеніи миноносецъ пробылъ на одномъ мѣстѣ 22 часа, въ теченіе которыхъ къ судну подошли три германскія подводныя лодки за бензиномъ и, разумѣется, всѣ три безъ труда были потоплены выстрѣлами съ судна и съ миноносца.

Въ англійскомъ маскарадѣ есть опредѣленный налетъ юмора; про нѣмецкій маскарадъ этого нельзя сказать, ибо маска на лицѣ германскаго Марса служитъ для защиты отъ гнусныхъ удушливыхъ газовъ.

Меньшиковъ улыбается.

Когда М. Меньшиковъ начинаетъ острить, — кажется, будто пятнистая гіена мило смѣется, щуря на солнце желтые глаза и поднимая кверху окровавленную морду.

Какъ-то на-дняхъ на вокзалѣ, у газетчика, я захватилъ маленькую книжечку Л. М. Гартмана „Паденіе античнаго міра“ и теперь, лежа на одрѣ болѣзи, прочель ее съ удовольствіемъ. Хоть эта фирма и еврейская (В. Антикъ и Ко), но, мнѣ кажется, оправдываетъ свой девизъ: „Польза“. Безчисленное множество желтенькихъ книжечекъ съ ладонь величиной преслѣдуютъ васъ на всѣхъ вокзалахъ, втираются въ ваши карманы, ибо продаются почти даромъ, и заставляютъ наконецъ прочесть ихъ. Это, конечно, лучше, чѣмъ тратить въ вагонѣ время на зѣбуту, скучу или чтеніе пустыхъ сатириконовъ (про одинъ изъ этихъ сатириконовъ обиженный имъ писатель философски выразился: „сортификъ онъ“, чего же вы хотите отъ такого журналиста?).

(М. Меньшиковъ.)

Это уже не остроуміе, а розничное производство удушливаго газа по нѣмецкому способу.

Разъ не дано — зачѣмъ стараться острить старому угромому Іудѣ?

Похороны.

Говорять, у всякаго своя манера веселиться.

Можно сказать и такъ: у всякаго своя манера хорониться.

Не совсѣмъ обычныя похороны происходили недавно въ Уфимской губерніи. По дорогѣ на Аркскую гору движется длинная погребальная процесія. Хоронятъ жену колониста За гробомъ длинный рядъ провожающихъ. Посреди ѿдѣть тельга, на которой поставленъ столикъ. Къ столику прикрѣпленъ граммофонъ, надъ толпою поднимается граммофонная труба, изъ которой вырываются печальные аккорды. На лютеранско кладбище вносится столъ съ граммофономъ. Раздаются щипящіе звуки шопеновскаго похороннаго марша. Затѣмъ кистеръ Теле произносить надгробное слово. Снова ставится граммофонная пластинка, и такъ номеръ слѣдуетъ за номеромъ.

Эта манера хоронить любимаго человѣка требуетъ большого вниманія при выборѣ граммофонныхъ пластинокъ. Поэтому что, если покойникъ услышитъ звуки ошибочно поставленнаго „Пупсика“, онъ можетъ подняться изъ гроба, скочить на дорогу и, плюнувъ съ негодованіемъ на всю процесію, уйти домой.

Чудеса въ рѣшетѣ.

Гдѣ живеть самая веселая, самая галантная, самая элегантная публика? Въ Петровскѣ.

Недавно въ Петровскѣ (Дагест. обл.) былъ устроенъ благотворительный спектакль въ пользу раненыхъ воиновъ.

Устроители спектакля приняли всѣ мѣры къ обеспеченню материальнаго успѣха вечера. Долго думали, чѣмъ бы заинтересовать публику, какъ извлечь соннаго обывателя изъ его логовища.

И придумали.

Перво-наперво было торговаться на вечерѣ... водкою. Съ благотворительной цѣлью, конечно.

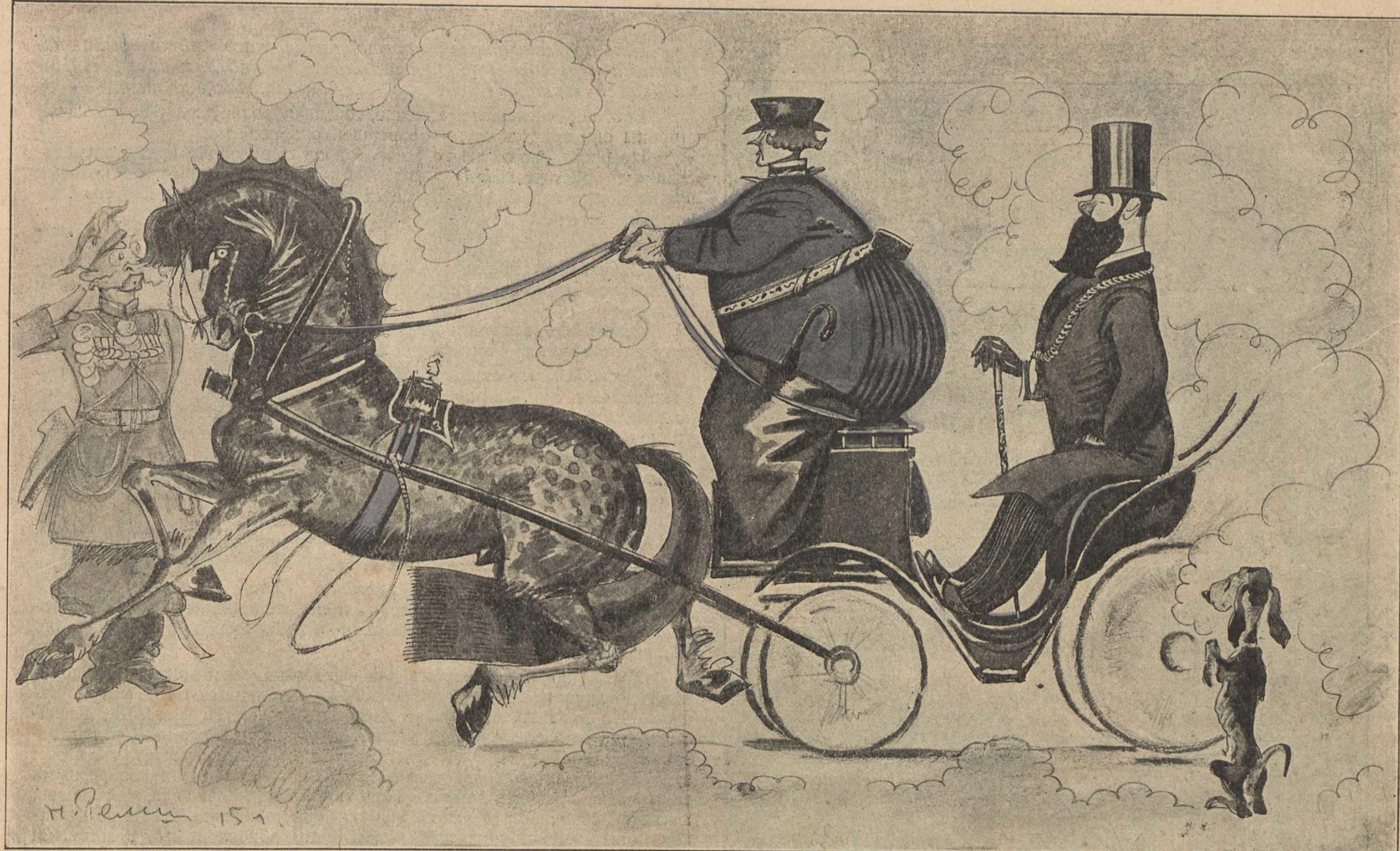
Само собою разумѣется, что успѣхъ вечера былъ обеспеченъ.

Предварительная продажа билетовъ превзошла всѣ ожиданія. За день до спектакля въ кассѣ красовался аншлагъ: „Всѣ билеты проданы“.

Однако устроителямъ это показалось мало, и они изыскали новый источникъ. Послѣ спектакля была объявлена продажа поцѣлусовъ. Мѣстныя дамы-патронессы разбрѣшили публикѣ целовать у нихъ ручки, при чѣмъ плата за поцѣлуй взималась по особой тарифу.

— Сорвалось!
(См. стр. 9.)

Н. П. Зеленко — общественный дѣятель, вызывающій недоумѣніе и сдержанное негодованіе со стороны другихъ петропавловскихъ общественныхъ дѣятелей. Помогаетъ бѣднотѣ, много работаетъ по благоустройству столицы; предсѣдатель работоспособныхъ комиссій. Находясь въ Городской Думѣ, даже позволяетъ себѣ говорить о нуждахъ населенія.

Поцѣлуй въ кисть руки стоилъ — 5 рублей. Выше кисти, до локтя — 10 руб. Выше локтя, до плеча — 20 руб. Поцѣлуй въ плечо — 25 рублей.

На этомъ такса останавливается. Очевидно, за поцѣлуй выше плеча plata была по соглашенію.

Нечего, конечно, говорить о томъ, что, напившись благотворительной водки, публика валомъ повалила за благотворительными поцѣлуями.

Матеріальный успѣхъ вечера былъ громадный. Сборъ превысилъ всѣ ожиданія.

Были, вѣроятно, такие люди, которые долго колебались: заплатить ли сразу за поцѣлуй въ плечо 25 рублей или потратить эти деньги на пять поцѣлуевъ „въ кисть руки“.

И были, вѣроятно, такие, которые думали: если поцѣлуй въ плечо стоитъ 25 рублей — сколько долженъ стоять поцѣлуй въ губы? О Ротшильдъ! Почему тебя не было въ Петровскѣ?

А въ общемъ, петровцевъ можно только пожалѣть: никогда имъ, очевидно, не приходилось цѣловаться, если они съ такой жадностью набросились на „поцѣлуи въ плечо“...

ТУТЪ РОМАНЪ.

— «Быль у дяди старый садъ,
У меня была кузина.
Вотъ и все.
Но тутъ романъ.»
— Это изъ Додэ. Помните?
— Я не читала Додэ. Я даже не знаю, кто онъ: французъ или немецъ. Правда, стыдно?
— Стыдно. Конечно, Додэ — французъ.
— А что онъ написалъ?
— У него есть прелестная повѣсть «Старая мельница». Удивительно красавая, изящная вещь. Вся пронизана...
— Разскажите содержаніе!
— Съ удовольствиемъ. Старая мельница на рѣкѣ. Старая, печальная мельница... Когда смотришь на нее,—кажется, что слышишь музыку, нѣжную, волнующую... Но высохла уже рѣка и не слышно больше пlesка воды на лопастяхъ колесъ. Только сухой камышъ зашелеститъ иногда подъ поцѣлуемъ вѣтра. И кажется, что это пастушка юная поднесла

къ губамъ своимъ свирѣль... Старая мельница, тихая, заброшенная мельница. Не шелохнеть, не прогремитъ...

Она захохотала.

— Ну, это вы уже изъ Гоголя хватили...

Она порывисто встала и, подойдя къ нему, спросила:

— Зачѣмъ вы лжете, а? Вѣдь вы тоже не читали Додэ. Такъ же не читали, какъ не читала и я. Вы не брали въ руки его книжъ, не разворачивали ихъ, не шевелили страницъ, не скользили по нимъ вашими безстыдными глазами. У васъ случайно застряли въ мозгу только эти четыре строчки: «Быль у дяди» и т. д. А мельницу вы выдумали, безстыдникъ! Зачѣмъ вы лжете? И вы еще хотите, чтобы я полюбила лжеца!...

— Ей Богу, у Додэ, кажется, есть что-то въ родѣ мельницы... Помню заглавіе на обложкѣ. Желтая обложка, ей Богу...

Она зло захохотала и сѣла на подоконникъ.

— Вы пропащій человѣкъ. Но все равно...

Она махнула рукой.

— Знаете писателя Ракду?

— Знаю.

— Что онъ написалъ?

— Ракду написалъ «Дуракъ». Прелестная вещь...

— Разскажите содержа-

ниe!

— Жиль человѣкъ. Бродилъ онъ среди людей и рассказывалъ имъ то, чего не было. Разсказывалъ красиво, искренно, со слезами на глазахъ.. И за это его называли дуракомъ и ни одна женщина не хотѣла любить. Вотъ и все.

Какъ коза прыгнула къ нему она, обняла и, цѣлюя въ губы, шепнула:

— Но тутъ романъ.

В. Черній.

— Моя серія!

НОВЫЙ САТИРИКОН

Рис. Миссъ.

ОСНОВАТЕЛЬНЫЙ ПРЕДЛОГЪ.

— Барыня, что это вы шестой день своему жениху письмо пишете, все не допишете?

— Жду. Говорятъ, на-дняхъ, хотятъ упразднить букву ять.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Подпись изъ „Кievskoye Myсли“ подъ рисункомъ, изображающимъ револьверъ:

Рѣдкій случай: пуля, ударивъ въ револьверъ, находившійся въ карманѣ офицера, пробила револьверъ и затмъ соскользнула, не получивъ никакого пораненія.

По мнѣнію „Kievskoye Myсли“, если пуля не получила пораненія (?) — такъ это рѣдкій случай. Интересно, въ какомъ случаѣ пуля получаетъ раненіе? Не тогда ли, когда выстрѣль производится въ лобъ автора этой удивительной подписи?..

*
Собственный корреспондентъ „Петрогр. Газ.“ сообщаетъ захватывающую новость:

„Изъ Дедеагача пароходомъ отбылъ Бриндизи, состоявший итальянскимъ посланникомъ при турецкомъ дворѣ... и т. д.“.

Какъ могъ цѣлый городъ состоять посланникомъ, да еще ухититься отбыть на пароходѣ — это секретъ корреспондента.

Можемъ и мы сообщить новость: въ скоромъ времени германский посланникъ въ Америкѣ — господинъ Нью-Йоркъ уѣзжаетъ изъ Берисдорфа.

*
Описывая пріемъ членовъ итальянской колоніи у маркиза Карлотти-ди-Ринербella, „Петрогр. Газета“ устами своего великосвѣтскаго репортера сообщаетъ:

Изъ представителей аристократическаго мірка были известныи переводчикъ Нардуччи, дирижеръ Кабелла, скрипачъ Цанибона, скульпторъ Кюфферле, гг. Даціаро, Фіетта и др.

Всѣ перечисленные, конечно, очень хорошие люди, но съ какой стороны они аристократы — совершенно непонятно.

Не произвело ли на газетнаго репортера особо выгоднаго впечатлѣнія то обстоятельство, что всѣ эти аристократы имѣютъ носовые платки и не сплевываютъ на паркетъ? Не это ли поразило его бѣдное воображеніе?

*

Оккультный журналъ „Изида“ даетъ массу полезныхъ и дѣйствительно чудодѣйственныхъ советовъ для лицъ, вѣрящихъ въ силу идейныхъ или коммерческихъ причинъ удлинить языкъ:

Перейдемъ къ очищению языка. Старость, смерть, болѣзни — покоряются ему. Всегда въ ротъ три сложенные пальца — указательный, средний и безымянныи — трутъ ими сильно языкъ для удаленія осадковъ. Вытянувъ, какъ можно длиннѣе, посредствомъ мягкой тряпки, кончикъ языка, какъ бы доятъ его, натеревъ предварительно свѣжимъ масломъ. Дѣлать надо неукоснительно при восходѣ и закатѣ солнца. Если это производить старательно и постоянно, то языкъ удлиняется.

А вотъ еще способъ помолодѣть — легкій, изящный и пригодный для развлечения скучающихъ гостей:

Мандукъ-асана — поза лягушки. Если, сидя на полу, сложить руки накресть на животъ и поджать пятки къ заднепроходному шву и, шевеля пальцами ногъ, сосредоточиться — то дѣйствительно помолодѣешь.

Мы лично рекомендуемъ для выработки соотвѣтствующей пониманію югизма психику такой способъ. Называется онъ Тыртукъ-купаро. По желанію, его можно называть иначе. Испытуемый, насытывая модный опереточный мотивъ и наливъ въ карманы ртути, засовываетъ голову въ водосточную трубу, съ такимъ расчетомъ, чтобы проходящіе задѣвали его ногами. Лѣвой рукой онъ дугообразными движениями выткаетъ себѣ въ животъ большой заряженный гвоздь, а правой, свободной, держитъ живую черную кошку. Многіе послѣ такого опыта чувствуютъ себя какъ будто обновленными и готовыми воспріять новую жизнь.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи не востребованыя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

A. Петроградъ.

К. Б—ву. — Не подошло.

Автору стих. „Осеннія скрипки“. — Къ сожалѣнію, не подошло.

М. Д. Л. — Разсказъ „Miserere“ не подошелъ.

B. Москва.

С. Г. Сиву. — Ерошкину. — Далину. — Д. Буглаю. — „Зеточки въ розовомъ“. Все присланное не подошло.

C. Провинція.

Въ пространство. Пе—Ка. — Автору разсказовъ: „Городъ Глуховъ“ и „Опытъ“. — Царицынъ. Надеждину. — Харьковъ. Анте. — „Переяславскому ясновидцу“. — Кирсановъ, Тамб. губ. Реморову. — Полтава. Краснову. — Могилевъ. Бинзію. — Самара. Альбоскритову. Автору „Студенческой трагедіи“. — Славянскъ. Дроздову. — Ст. Тихорѣцкая. М. М. По—вой. — Все присланное, къ сожалѣнію, не подошло.

Кишиневъ. — Клуцману. — „Лирический поэтъ“ не подошелъ. Попробуйте прислать что-либо другое.

Винница. — Л. Ф. С—ому. — Не будетъ напечатано.

Одесса. — Гарри Бергу. — Не подошло.

Каменецъ-Подольскъ. — „Цуресу“. — Слабо.

Харьковъ. — Студенту Э. — Очень слабо. Стихи — не ваше дѣло.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

3-й годъ изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

3-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ

бывають артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНЪ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ЛѢТНИЙ СПОРТЪ, ИГРЫ, ОХОТА.

Боксъ англійск. — 30 к. Французскій — 30 к. Франц. борьба — 40 к., Гимнастика съ булавами — 30 к., Гольфъ — 30 к., Джі-джитсу — 35 к., Метание диска — 30 к., Подвижныя игры — 30 к., Крокетъ — 30 к., Лаунъ-теннисъ — 30 к., Охота на звѣря и дичь — 1 руб., Охотникъ-любитель — 30 к., Парусное плаваніе — 60 к., Какъ научиться плавать — 30 к., Препарир. птицъ — 30 к., Рыбная ловля, всѣ виды ловли — 60 к., Рыболовъ-удильщикъ — 30 к., Охотничья собака — 60 к., Плетење рыболов. сѣтей — 30 к., Фейерверочное искусство — 30 к., Футболъ, руков. и правила — 30 к., Хоккей — 30 к., Набивка чучель — 40 к., Какъ играть въ шахматы — 30 к., въ шашки — 30 к.

Пересылка 1 кн. — 13 к., 2 кн. — 22 к., 3 кн. — 26 к., 4 кн. — 30 к., 5 кн. — 34 к. Іал. плат. на 10 к. дороже. При заказѣ на 3 руб. пересылка бесплатна. Полный каталогъ высылается даромъ.

Высылаетъ технический книжный складъ М. ПЕТРОВА.
Петроградъ, Б.-Подъяческая ул., 14. ✉ Москва, Волхонка, 1 уг. Знаменки.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписзывающіе со склада издастельства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высыпать марками почтовыми и гербовыми.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„О хорошихъ въ сущности людяхъ“.

7-ое изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

„КРУГИ ПО ВОДЪ“.

16-ое изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

„ВОЛЧЬИ ЯМЫ“.

Цѣна 50 коп.

ФОМА ОПИСКИНЪ.

СОРНЫЯ ТРАВЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

И. ГУРЕВИЧЪ.

СИГНАЛЬНЫЯ РАКЕТЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ДМИТРИЙ ЦЕНЗОРЪ.

ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ.

Цѣна 1 р. 25 к.

ТЭФФИ.

„ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“.

6-ое изданіе. — Цѣна 1 р. 25 к.

„НИЧЕГО ПОДОБНАГО“.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

„И СТАЛО ТАКЪ“.

6-е изданіе — Ц. 1 р. 25 к.

„КАРУСЕЛЬ“.

3-е изданіе; * Цѣна 1 р. 25 к.

ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ.

СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ.

Цѣна 1 р. 25 к.

А. МЮРЖЕ.

БОГЕМА.

Цѣна 1 р. 25 к.

ДЕШЕВАЯ ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

НОВЫЕ СПЕЦІАЛЬНЫЕ

выпуски Дешевой Библиотеки.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

„О НѢМЦАХЪ и О ПРОЧЕМЪ ТАКОМЪ“.

— СВИНЦОВЫЕ СУХАРИ. —

— ПЯТЬ ЧЕМОДАНОВЪ. —

О. Л. Д'ОРЪ.

ПРОКЛЯТИЕ НАЧАВШИМЪ.

ТЭФФИ.

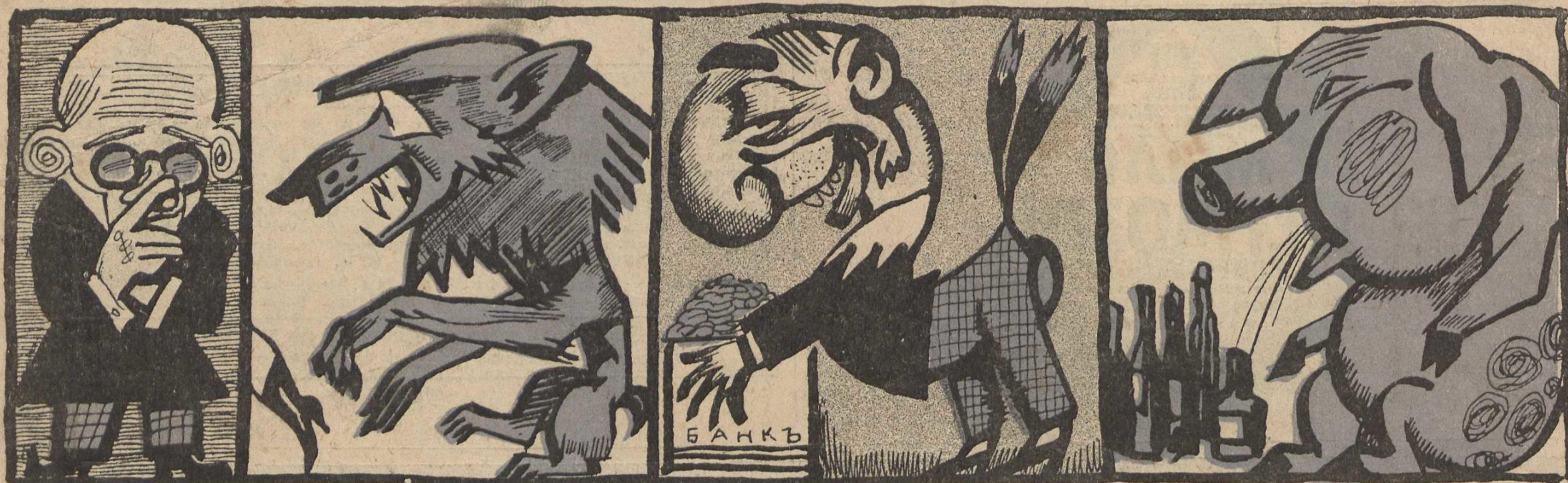
„ЗАРЕВО БИТВЫ“.

Цѣна 10 коп.

ФИЛОСОФСКІЯ СТРАНИЧКИ

№ 1.

Рис. А. Радакова.

Въ каждомъ человѣкѣ таится звѣрь. Культура должна его уничтожить.

Въ одномъ — при видѣ красивой женской ноги просыпается похотливый павіанъ...

Въ другомъ — сорока-воровка: чуть гдѣ увидеть блестящее, — сейчасъ къ себѣ въ гнѣзда тащить.

Въ третьемъ просыпается свинья, лишь только посади ее въ „Медвѣдя“... и т. д.

О культура, приди на помощь! Надѣнь павіану панталоны!

Сорокѣ-воровкѣ подари красивый узоръ изъ желѣзныхъ прутьевъ...

Свинѣ дай облагораживающее душу чтеніе!

Гм... все это хорошо... Но кто это сидитъ голая и обращаетъ на себя похотливые взоры толпы?! Это женщина, которой не во что одѣться, такъ какъ павіанъ больше не „поддерживаетъ“ ее.

Кто это убиваетъ ближняго своего?! Это раззорившійся человѣкъ, которому обыватели больше не платять денеѣ, чтобы онъ спрятъ ихъ деньги отъ сороки-воровки.

А это кто тамъ возится со свиньями?! Это раззорившійся хозяинъ ресторана, въ который уже не ходить человѣкъ-свинья. Оль съ утра до ночи подкладываетъ свиней ближнимъ своимъ за то, что они отняли у него человѣка-свинью...

